

5. Vinogradov, V.V. (1975). O kategonii modalnosti i modalnykh slovakh v russkom yazyke. [About Modality and Modal Verbs in Russian]. M: Nauka.
6. Ishmuratov, A.T. (1994). Logiko-kognitivnyi analiz ontologii diskursa. [Logic-cognitive Analysis Discourse Anthology]. Kyiv: Naukova Dumka.
7. Yemelyanova, O.V. (2012) Modalnist dyskursu finansovogo prognozu. [Modality of Financial Projection Discourse]. Sumy: SDU.
8. Karasik, B.I. (2007). Diskursivnaya personologiya // Yazyk, kommunikatsiya i socialnaya sreda. [Discourse Personology // Language, Communication and Social Media]. Voronezh: VGU.
9. Karasik, B.I. (2000). O tipakh diskursa // Yazykovaya lichnost: institutsionalnyi i personalnyi diskurs. [About Discourse Types // Linguistic persona: Institutional and Personal Discourse]. Volgograd: Peremena.
10. Raldugina, K. O. (2008). Modalnist yak logiko-filosofska ta lingvistychna kategoriya. [Modality as Logic-philosophical and Linguistic Category]. Zaporizhzhya.
11. Solganik, G. Ya. (1999). O tekstovoy modalnosti kak semanticheskoy osnove teksta. [About text Modality as Semantic Base of the Text]. Moskva.
12. Sanders, J., Spooner W. Perspective, Subjectivity, and Modality from a Cognitive Linguistic Point of View. Amsterdam – Philadelphia: John Benja-mins Publishing.

THE LIST OF SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Ynterviu zhurnalnu «Time» [Elektronnyi resurs]. [«Time» magazine interviews [Electronic resource].] Access mode : <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24735>.
2. Codreanu A. Politeness in Requests: Some Research Findings Relevant for Intercultural Encounters // Journale of Defense Resources Management Studies.
3. Duff M.J. The theory formerly known as strings // Scientific American.
4. Fontaine L. The Role of Thematic and Concept Texture in Scientific Text: Comparing Native and Non-Native Writers of English // Special Issue Asp.
5. Ines C. Understanding Scientific Communication Through the Extraction of the Conceptual and Rhetorical Information Codified by Verbs // John Benjamins Publishing Company.
6. Issues in Promoting Multilingualism Teaching – Learning – Assesment. Access mode: https://issuu.com/frse/docs/issues_in_promoting_multilingualism_internet
7. Synchronous electronic discussions in an EFL reading class. Access mode: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.457.699&rep=rep1&type=pdf> (03.10.2018)

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

Олена Ємельянова – кандидат філологічних наук, доцент, доцент кафедри германської філології Сумського державного університету.

Наукові інтереси: дискурсознавство, текст-дискурсові категорії, лінгвістика тексту.

Марина Черниш – студентка VI-го курсу факультету іноземної філології та соціальних комунікацій Сумського державного університету.

Наукові інтереси: дискурсознавство, текст-дискурсові категорії, лінгвістика тексту.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Olena Yemelyanova – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Germanic Languages at Sumy State University.

Scientific interests: discourse studies, text-discourse categories, linguistics of the text.

Marina Chernysh – is a student of the 6th year of the Faculty of Foreign Philology and Social Communication of the Sumy State University.

Scientific interests: discourse studies, text-discourse categories, linguistics of the text.

УДК 81'23:159.942.3](477.75–074)(045)

ПРАГМАЛІНГВІСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ЯЗЫКА СМЕХА В ОККУПИРОВАННОМ КРЫМУ

Галина КОРОБКА (Харьков, Украина)

e-mail: galynak@ukr.net

КОРОБКА Галина. ПРАГМАЛІНГВІСТИЧНИЙ ДИСКУРС МОВИ СМІХУ В ОКУПОВАНОМУ КРИМУ

Представлений аналіз прагмалінгвістичного дискурсу мови сміху в окупованому Криму. Особливо підкреслюється захисна функція сміху, яка в умовах окупації нівелиє страх перед окупаційною владою і їхніми діями на території півострова. Особливу увагу приділено коментарям і дописам українського блогера, який живе в Криму і веде під ніком КРИМський бандерівець російськомовний інформаційно-сатиричний щоденник "Новости Крымнаша". Наведено приклади з дайджесту КРИМського бандерівця, де виокремлено основні види мови сміху: злий сміх, цинічний сміх, глузливий сміх з елементами сарказму і зловтіхи. У КРИМського бандерівця мова ворожнечі зазнає карнавалізації. У дослідженні конкретної ситуації з окупованим Кримом це може бути названо *hitogous hate speech* – гумористична мова ворожнечі. Виявлено основні інваріантні теми (об'єкти) для сміхового спілкування, які входять в структуру *hitogous hate speech*.

Ключові слова: мова сміху, сміхова комунікація, КРИМський бандерівець, прагмалінгвістична концепція гумору, гумористична ситуація, злий сміх, глузливий сміх, гумористична мова ворожнечі, інваріантні теми (об'єкти) для сміхового спілкування.

KOROBKA Halyna. PRAGMALINGUISTIC DISCOURSE OF THE LANGUAGE OF LAUGHTER IN THE OCCUPIED CRIMEA

The article provides a detailed examination of an up-to-date issue of the pragmalinguistic discourse of the language of laughter in the occupied Crimea. The concept "language of laughter" is thought of as communicative-pragmatic component of laughter communication. The meaning of the language of laughter lies in the laughter text semantics. The present study investigates this issue by examining both the phenomenon of laughter and its reflection in the language, text, i.e. in the pragmalinguistic discourse. This is a developing semiotic system of verbal expressions, reflecting the spiritual joyful and elevated state of a person, or the expression of a defensive reaction with the help of evil and mocking laughter, quite acceptable towards the enemy, in danger and anxiety. The author has established the fact that the protective function of laughter under occupation eliminates the dread of the occupation authorities and their actions on the territory of the peninsula. Laughter acts here as a means of self-affirmation of an individual, and to deride the enemy means to gain an advantage and defeat of him. Only in laughter evil is leveled out, it gives pleasure, sometimes with the sadistic intention of the author of humorous discourse. The research has important implications for the moral resource of the de-occupation of the information, cultural and geographical space, and the liberation from unfreedom, an instrument to fight evil and overcome fear through laughter. Extensive coverage is given to comments and posts of a Ukrainian blogger who lives in the Crimea and keeps the Russian-language information and satirical diary "Novosti Krymnasha" ("The Krymnash News") under the nickname of CRIMEAn Banderite. This article provides examples of the main types of the language of laughter in the digest: evil laughter, cynical laughter, mocking laughter with elements of sarcasm and gloating delight. The basis of laughter communication under occupation is hate language, or hate speech known in Western culture. This is a certain style of speech, which is characterized by a high degree of negative emotionality. It is important to state that CRIMEAn Banderite's hate speech comes under carnivalization. In the case study of the occupied Crimea it may be called humorous hate speech. The author reveals the main invariant themes (objects) for laughter communication, which are included in the structure of humorous hate speech.

Keywords: the language of laughter, laughter communication, CRIMEAn Banderite, pragmalinguistic concept of humour, humorous situation, evil laughter, mocking laughter, humorous hate speech, invariant themes (objects) for laughter communication.

В долгой борьбе за свою национально-культурную идентичность украинский народ проявлял не только героизм и волю к победе, но и развивал критическое и юмористическое мировосприятие к вызовам судьбы. Это было своеобразным средством духовного утверждения и самозащиты. На терпкую и злобную иронию суровой жизни не может быть негативный ответ, а только позитивная реакция улыбки и жизнеутверждающего смеха. Для смеховой культуры нет неприкасаемых сакральных символов, запретных тем и идеологических табу. Страна-агрессор Российская Федерация целенаправленно препятствует процессу формирования украинской национально-культурной идентичности и постоянно ведет информационную войну против Украины: необъективность, манипуляции, искажения фактов, откровенные неприкрытые дезинформации и инсинуации. С февраля 2014 года началась и продолжается вооруженная агрессия-интервенция РФ в Украину. Первой частью вооруженного конфликта между Россией и Украиной стала военная операция, которая была осуществлена российскими войсками без знаков отличия на территории Крыма с целью отторжения Крымского полуострова от Украины и установления над ним контроля. Захват территории сопровождался беспрецедентной информационной войной среди местного населения полуострова и завершился аннексией-оккупацией Крыма. Вооруженная агрессия считается международным преступлением против мира и безопасности человечества, аннексия Крыма является нарушением ряда международных договоров. Оккупация породила новую волну сопротивления путем высмеивания-уничтожения захватчиков не только в реальной жизни, но и в Интернете. Такими «добровольными смехотворцами» могут быть аматоры (шутники, балагуры, острословы-самоучки, весельчаки, остряки), наделенные игровыми способностями, юмористической креативностью, которые реализуют свои таланты на почве повседневной жизни» [14, с. 120]. Во время смертельной опасности и при ощущении потери свободы человеку свойственно смеяться и шутить, поскольку юмор и смех достигают наивысшей точки активности. Люди смеются над врагом-оккупантом, чтобы преодолеть боль потерь в себе и одновременно получить разрядку нервов при невыносимом напряжении тревожных дней. Высмеивание агрессора-врага разоружает его. Вероятно, только этим аспектом природы смешного можно объяснить вспышки юмора в острых и кризисных ситуациях. Наиболее популярными Интернет-смехотворцами являются видеоблоггер Андрей Анатольевич Карпов, известный как Андрей Полтава, пишущие блогеры (КРЫМский бандеровец, RoksolanaToday&Крым, Фашик Донецкий, Горький Лук, Василий Рыбников и др.), а также музыкальные контрпропагандисты (Орест Лютый (сценический псевдоним Антина Мухарского), Мирко Саблич (Mirko Sablic) – музыкальный проект, по самоопределению в соцсетях – «иронически-сатирическое рефлексирование в песенных формах событий Оккупационной войны»).

Как известно, смех имеет освобождающий характер («освобождение от несвободы»). Юмор и смех можно считать синонимом свободы – по крайней мере, внутренней свободы

человека. Смеющийся человек свободен от догм, ему легко преодолевать жизненные препятствия. В. И. Карасик в своей монографии [5] констатирует, что «юмор обладает ценностными характеристиками, т. е. связан с ключевыми жизненными ориентирами. Юмор по своей сути есть один из самых удобных способов адаптации человека к меняющимся обстоятельствам, это реакция на неожиданное развитие событий [...] Таким образом, юмор – это органическая защитная характеристика человеческой психики, достаточно тонкий и сложный эмоциональный феномен, связанный с выживаемостью человека как вида, т. е. юмор связан с витальными ценностями человека» [5, с. 156]. Сам же по себе смех является средством преодоления страха и запугивания со стороны оккупационных властей, поскольку «страх стал неотъемлемой составляющей жизни в оккупации», «Страх. Страх и еще раз Страх правит в Крыму», «Жить стало страшно, а страх стал синонимом Крыма» [7]. Действительно, оккупанты, над которыми смеются, перестают быть страшными, даже если они прибегают к репрессиям. Смех фактически является наказанием для оккупационных властей за их порочность и убожество. Преодолевая страх, смех закладывает основу победы над ним. Не существует запретов и ограничений, созданных смехом. Власть, насилие никогда не говорят на языке смеха. Смеясь, иронизируя, человек становится смелее в условиях оккупации. В. И. Карасик также отмечает, что «с позиций витальных ценностей (как средство выживания и психологической самозащиты) смех соотносим со страхом, но страх представляет собой способ эмоциональной концентрации на негативной основе перед опасным событием, а смех – способ эмоциональной релаксации на позитивной основе после опасного события» [5, с. 156]. В качестве связи смеха и преодоления жизненных проблем автор приводит паремиологические тексты, напр. «Под силу беда со смехами, а невмочь беда со слезами» [5, с. 157].

Анализ прагматингвистического дискурса языка смеха в оккупированном Крыму позволит в максимально доступной научной форме получить необходимые систематизированные знания по основным понятиям, темам смеха. Это может служить моральным ресурсом для деоккупации информационного, культурного и географического пространства, освобождением от несвободы, инструментом борьбы со злом и преодолением страха через смех, поскольку именно он временно отрешает человека от страха. Смех в этом трагическом социальном и культурном контексте мог бы указывать на желание субъекта приспособиться к суровым экзистенциальным условиям. Это триумф овладения ситуацией в условиях оккупации – своеобразный психосоциальный инструмент для психического выживания, где смех утверждает жизнь и стремится отрицать смерть. Смех, побеждая страх, просветляет мировоззрение человека и раскрывает для него мир по-новому. Достаточно часто победа смеха может быть эфемерной, только духовной, но она является предтечей гибели оккупационной власти, поскольку оккупация никогда еще не была вечной в истории цивилизации – она обречена на смерть, и смех способствует этому процессу.

Обзор предыдущих исследований и публикаций, в которых начато решение проблемы и на которые опирается автор, показывает, что смех имеет тесную связь со злом. Эрик Смаджа [14] рассматривает два латинских автора Цицерона и Квинтилиана, которые относят смех и предмет смешного к сфере риторики и красноречия. По Цицерону, «смех вызывают всевозможные уродства физического, умственного, нравственного характера, человеческие недостатки, низкие и позорные вещи. Вся сфера преуменьшения и обесценивания смехотворна [...] Оратор может пускать шутки, которые для него служат социальным оружием, наступательным и оборонительным, грозным, эффективным и полезным. Это оружие высмеивания, социальный инструмент высшей степени агрессивный и разрушительный, но и заодно обольстительный и объединительный» [14, с. 25–26]. Борьба со злом осуществляется через смех, поскольку смех действительно представляет оружие против врага, необходимое для атаки, обороны и обретения справедливости и независимости. Цицерон и Квинтилиан «обращают внимание на довольно агрессивные шутки или острые смеховые стрелы, которые порождают утешение и выливаются в форме смеха, придавая ему очевидную садистическую составляющую, которую потом находим в других философских концепциях» [14, с. 28]. Фундаментальные постулаты классических мыслителей часто склонны рассматривать смех и смеховую установку именно в контексте травмы, стресса,

страха, тревоги и чувства опасности. Смех Ф. Ницше, с одной стороны напоминает смех Демокрита, который, согласно легенде, всегда на людях смеялся и умер от смеха. Смеялся он над людьми, так как считал, что они своей глупостью и бессмысленной жизнью недостойны жалости, а достойны только смеха. Для Ницше смех тождествен свободе. Смех – это свобода, но свобода через уничтожение, негативная свобода. В «Весёлой науке» Ницше пишет, что «смеяться – значит быть злорадным, но с чистой совестью» [9, 1, с. 612]. «Убивают не гневом, а смехом», — утверждает Ницше (Курсив мой. – Г. К.), [10, с. 34], и совершенно точно указывает при характеристике смеха Заратустры на сущность смеха вообще: «... злоба моя – смеющаяся злоба, живущая под кустами роз и под изгородью из лилий: – ибо в смехе всё злое собрано вместе, но признано священным и оправдано своим собственным блаженством», «Смейся, смейся, моя светлая, здоровая злоба! С высоких гор бросай вниз свой сверкающий, презрительный смех!» (Курсив мой. – Г. К.), [10, с. 190, 194]. Иными словами, тайна смеха заключается в том, что только в смехе зло нивелируется, доставляет удовольствие, иногда с садистической интенцией автора юмористического дискурса. У А. Бергсона смех используется в качестве карательного инструмента группы против неуклюжести, недостатков, особенностей определенных индивидов. Смех есть мерой исправления, с помощью которой он подчеркивает и укрощает определенную специфическую несознательность людей и событий. Общество мстит посредством смеха за те вольности, которые позволяют по отношению к нему [1, с. 59, 121]. Смех, в этом смысле, «не имеет ничего доброжелательного. Здесь он несёт в себе функцию отплаты злом на зло» [1, с. 119] и вызывается впечатлением от «автоматизма», «косности» в поступках людей. Таким образом, Бергсон, как и Ницше, отрицает возможность доброго смеха. Всё смешное несёт на себе след, оставленный злом, но не всё злое может смешить. Вызвать смех способно лишь зло выразительное, тут же уничтожающее возможность для зарождения доброго смеха. Ведь выразительность («сильное чувство») предполагает силу, она и эта сила губительны для смеха. Если он не защитится тем, что Бергсон назвал «равнодушием», то неминуемо погибнет или просто не возникнет. Не зло само по себе смешит нас, а способ его выразительной подачи, его смысловое обрамление. У современных исследователей смеха как явления культуры также прослеживается моделирование юмористического дискурса «смех и зло – злой смех». Так, М. Т. Рюмина сформулировала это как «парадокс смеха», который заключается в свойстве смеха радоваться по поводу зла. Зло, которое по логике вещей должно вызывать осуждение, негодование, расстройство, печаль, стыд и т. д., в случае со смехом вызывает неподдельную радость и даже наслаждение. Позитивная в целом эмоция – смех, в связке со злом, является реакцией на зло и, соответственно, носит защитный характер. Смех связан с радостью, «происходящей от сознания, что зло, которым мы возмущены, не может нам повредить и оно преодолимо» (Курсив мой. – Г. К.), [13, с. 94–95]. Л. В. Карасев достаточно точно связал смех и зло в качестве противостояния последнему. Смех не может быть источником зла, хотя его постоянный контакт со злом может вызвать подобную иллюзию. Смех отражает зло подобно зеркалу, оттого его так часто путают с самим злом. В злом смехе есть надежда на изменение мира и себя в этом мире, в нём есть надежда на лучшее [4, с. 40–41].

Именно поэтому изучение этого феномена даёт возможность правильно осмыслить его сущность. Концепт «язык смеха» понимается, прежде всего, как коммуникативно-прагматический компонент смехового общения. Немаловажным является анализ семантики смеха, который базируется на фигурах речи (метафоре, метонимии, гиперболе и др.). Смысл языка смеха заключён в семантике текста о смехе, поэтому для раскрытия этого вопроса в работе предлагается анализ как феномена смеха, так и его отражение в языке, тексте, т. е. в прагмалингвистическом дискурсе. Язык смеха является специфическим и универсальным средством выражения смеха, обеспечивающим возможность процессуального разворачивания в пространственно-временных формах и рефлексивного осмысления действительности. Это развивающаяся семиотическая система словесных выражений, отражающая душевное радостное и приподнятое состояние человека, либо выражение защитной реакции с помощью злого и насмешливого смеха, вполне приемлемого по отношению к врагу, при опасности и тревоге. Всё, что может вызвать смех, входит в

структуру языка смеха. Эта система флексибильна и постоянно меняется: то, что раньше вызывало смех, а теперь стало привычным и несмешным, выходит из средств употребления языка. Новое словесное выражение, возбуждающее смех, становятся составляющей языка смеха. Таким образом, для языка смеха характерно отсутствие избитости и тривиальности. В коммуникативно-прагматическом пространстве интерпретировать любое высказывание можно только в контексте. Ключевым понятием для описания смеховой коммуникации в прагмалингвистике является характер конкретной ситуации. «Для раскрытия характеристик такой ситуации необходимо обратиться к текстам, в которых вербализуется поведение людей, которые шутят и понимают шутки» [5, с. 155].

Опираясь на прагмалингвистическую концепцию юмора В. И. Карасика, представляется возможным раскрыть разновидности языка смеха в оккупированном Крыму. Объектом особого внимания исследования являются комментарии и сообщения украинского блогера, который живет в Крыму и ведет под ником КРЫМский бандеровец русскоязычный информационно-сатирический веблог «Новости Крымнаша. Информационное сопротивление российской оккупации Крыма и Донбасса» [3; 6; 7; 11], который будет служить в качестве иллюстративного материала юмористического дискурса, т. е. текста, погруженного в ситуацию смехового общения. Ежедневное ведение блога – реакция автора на одиночество или состояние изоляции, проявление эскапизма и бегство от реальной жизни в пространство симулякров. Человек, испытывающий нравственное и моральное одиночество в оккупации, коммуникативный вакуум (отсутствие реальной насыщенной коммуникации и попытка ее компенсации в блогах) использует интернет-ресурс как спасение от этого вакуума. «Жутко хочу уехать из Крыма, но не могу бросить своих стариков. Все друзья разъехались: Одесса, Днепр, Харьков, Прага, Париж... Одно развлечение отсталость – вату в ступор вводить», «Потыкал палкой своих знакомых ватников... Еще живые, огрызаются» [7]. С точки зрения прагматики (теории речевых актов) речевой акт включает говорящего (автора дискурса), слушателя (адресата дискурса) и той реальности, которая находит отражение в дискурсе. Все три компонента прагматической структуры текста – отражаемая в речи действительность (описание жизни фактами и явлениями реальности в условиях оккупации), субъективно-авторское начало (автор веблога – КРЫМский бандеровец), потенциал восприятия (зарегистрированные участники-соавторы, которые пишут комментарии, и читатели – скрытые участники – т. н. «партизаны», не пишут, а только читают дайджест) – присутствуют в веблоге и тесно взаимосвязаны с прагмалингвистическим дискурсом, который предполагает рассмотрение особенностей управления восприятием адресата в рамках пространственных и временных координат построения текста. Факты и явления реальности, находящие отражение в дискурсе создают своего рода пространственно-временную модель действительности, или хронотоп. Так, создавая хронотопические рамки повествования, говорящий фиксирует в целостном континууме дискурса точку зрения, «наблюдательный пункт», с которого он (а стало быть, и участник-читатель) воспринимает изображаемые события. Блог КРЫМского бандеровца используется как платформа для самовыражения и выпускается на основе собранных фактов на новостных сайтах и по сообщениям реальных жителей Крымского полуострова в социальных сетях, личных наблюдений автора, рассказов близких и друзей. Следует обратить внимание, что КРЫМский бандеровец принципиально пишет слова «Россия» и «Путин» с маленькой буквы [11]. Блогер активно осуждает российскую оккупацию Крымского полуострова, поддерживает информационное сопротивление российской пропаганде на территории полуострова, освещает, что на самом деле происходит в Крыму, «чтобы все знали, что такое “русский мир”». Если сегодня мы промолчим о ком-то, завтра могут промолчать и про нас», «Дайджесты не призваны осветлить чей-то разум, они являются дневником оккупации Крыма россияй, и показывают реальные события, происходящие здесь» [7]. Однако важным показателем степени прагматизации дискурса становится уровень языковой компетенции говорящего (уровень становления его языковой личности). «Остроумное высказывание рассчитано не только на смеховую реакцию, но и на оценку интеллектуальных способностей автора. По мере возрастания интеллектуальности юмора возрастает и вероятность перехода юмористического высказывания в иную плоскость,

за рамки юмора в серьезное общение» [5, с. 254]. С другой стороны, немаловажное значение имеет фактор обращенности высказывания на читателя дайджеста, его адресованность, поскольку блогер – не только тот, кто рассказывает о своих мыслях, а и тот, кто является популярным человеком, окруженный событиями, другими людьми, является экспертом и имеет возможность передавать свой опыт. Блогер оцифровывает часть реальности и интегрирует ее в виртуальный мир, делится с аудиторией аспектами реальной жизни, в данном случае особенностями жизни в оккупации. С позиций прагмалингвистического анализа юмора В. И. Карасик понимает механизм той или иной смеховой реакции в исследовании юмористической эмпатии. Как говорят французы, «главное – иметь смеющихся на своей стороне» [8, с. 134]. Поэтому в блоге КРЫМского бандеровеца юмористическую тональность общения формируют адресаты-эмпатики (называют себя «хунта», «хунтяне») – они заранее находятся на стороне автора, ассоциирует себя с ним и готовы поддержать морально, снабжая дайджест своими шутками и саркастическими комментариями. «Юмористическая тональность представляет собой эмоциональную атмосферу общения, которая характеризуется дружелюбным отношением участников общения друг к другу, с одной стороны, и переворачиванием определенных ценностей, с другой стороны. Юмористическая тональность по своей сущности – это взаимная настроенность участников общения на юмор, это смеховое осмысление всего происходящего, готовность шутить и смеяться. Если юмористическая интенция – это характеристика коммуникативного поведения говорящего, желание организовать юмористическую ситуацию, т. е. активная позиция субъекта речи, то юмористическая тональность – это установка коммуниканта на ситуацию, которая изначально отмечена юмором, т. е. в данном случае позицию субъекта речи можно определить как относительно пассивную» [5, с. 253–254]. В. И. Карасик обращает внимание на монографию В. Г. Раскина «Семантические механизмы юмора», где анализируются имеющиеся в лингвистической науке классификации юмористических ситуаций и текстов (например, любое нарушение привычного порядка вещей, замену одних вещей другими, игру слов, бессмыслицу, замаскированные оскорбления и т.д.). В основу приведенной классификации положены различные критерии: степень эмоционального сопереживания, рефлексивность, коммуникативная форма высказывания, психологическая мотивировка речевого действия. Среди восьми типов юмористических высказываний, которые выделяет В. Г. Раскин, *намеренное высмеивание и юмор в качестве сублимации протеста* наиболее соответствуют предмету внимания данного исследования (Курсив мой. – Г. К.), [5, с. 259]. Намеренное высмеивание: «Обед на работе. Смакую сало. Подошёл ватник, который меня все время называет Бандерой, и попросил поделиться. Решил пошутить над ним: “Извини, нам из Госдепа только на себя выделяют, а москалям велено брюкву кушать”. Видели бы вы его офигевшую рожу. Только и вымолвил в ответ: “Ну ладно, привет Госдепу”. Короче, обиделся» [7]. Юмор в качестве сублимации протеста: «Знакомый плачет, что в подъезде разруха. Не знает, кому писать, куда жаловаться. Посоветовал ему написать на каждом этаже “Слава Украине!”, и сразу всё сделают. Он аж заулыбался», « “Ок, Гугл! Где в Крыму можно посидеть с друзьями? Результат: найдено 4 тюрьмы и 2 колонии-поселения”, – написал житель Ялты. К сожалению, даже юмор в Крыму все чаще – черный...» [7].

Изучение блога КРЫМского бандеровеца показало, что в условиях оккупации смех и юмор не могут быть беззлобными и добрыми, а смеяться можно только став на время жестоким и нечувствительным, поэтому предлагается выделить основные виды языка смеха, которые выражаются следующими фразами из дайджеста [7]:

злой смех: ОРУ!!!!; Бугага)); Теперь можно неистово поржать; Сплошной цирк, в котором больше никто не смеётся...да это же СТРАНА 404 МГАГАГАГА; Потім довго реготали; Ржал в голос; Гомерический хохот; Громкий хохот)); Как же я ору)))))))); Поржали с ватных бабулек.

циничный смех: Чота поржал; Чота ржу)); Что-то ржу!; Бесконечный бандеровский хохот; Ржу с новостей – Прям мазохизм какой-то; Просто посмейтесь; Звучит цинично и смешно; Ну нет сил ржать... Я не Искандер; Что за звук раздаётся? Это хохочут Искандеры. Обхохотываются; Если бы я была Искандером, изоржалась бы вся;

Икают от смеха даже российские Искандеры; Где-то на просторах мразии слышен сиплый хохот Искандеров; Оборжались искандеры.

насмешливый смех с элементами сарказма и злорадства: *Слушал, сдерживая смех; (уже смешно); (хаха два раза); Читал и плакал от смеха)); Улыбнуло!; Звучит смешно и обидно; Чота смешно)); Смеялись долго все; Ахахаха)); Гыгыгы; Смешно же; Можно начинать смеяться; Смеюсь)); Смешно наблюдать; Смешно видеть; Ничто так не радует с утра, как веселые и находчивые крымские пропагандоны; Смешно и скрепно.*

Смеховое общение в оккупации не может быть эмоционально стерильным, т. е. без негативной эмоциональности очень сложно противостоять врагу. Когда часть страны оккупирована, а на другой части – состояние войны, имеет смысл дегуманизировать врага словесно в Интернет-пространстве, поэтому в прагматингвистическом дискурсе возникает язык вражды, или известный в западной культуре *hate speech*, как самое необходимое условие противостояния. Это определенный стиль речи, который характеризуется негативной эмоциональностью высокой степени – своеобразный ответ-антидот на язык вражды [15], который сложился в информационном пространстве на территории оккупированного Крымского полуострова как оружие РФ против украинцев и крымских татар. «Россияне тоже помнят про Голодомор, но смерть миллионов украинцев для них – лишь повод высмеять трагедию нашего народа, поэтому в россии и появляются всякого рода циничные речевки, как например, “хохлам газовый холодомор”. И об этом мы тоже должны помнить, чтобы никогда не забывать, с кем имеем дело!» (Курсив мой. – Г. К.), [7]. Немаловажно отметить, что у КРЫМского бандеровца язык вражды подвергается карнавализации. В исследовании конкретной ситуации с оккупированным Крымом это может быть названо **humorous hate speech**. Смеховой компонент существенно смягчает негатив, который непосредственно связан со злом и подтверждает ранее озвученный тезис о связи смеха и зла. Целью является высмеять врага – в переносном смысле убить его, но не так жестоко, как совершить это в реальности. А. Бергсон утверждал, что смех снимает косность в общении, однако, следует также добавить, что «смех используют как оружие в борьбе против другого, против врага, [...] как инструмент пропаганды, дискредитации ...» [14, с. 149]. «Ватникам очень не нравится, когда мы высмеиваем их двуличную фальш», «Чужой боли не бывает. Особенно в оккупации... Закаляю ненависть и безжалостность к русне, а также к их “весне”» (Курсив мой. – Г. К.), [7]. «Высмеять своего противника, поразить его злой шуткой – обычно ненаказуемым, но чрезвычайно эффективным способом – это весьма заманчивое преимущество» [8, с. 134]. Смех выступает здесь как средство самоутверждения личности, а осмеять противника означает одержать преимущество и победу над ним. «Осознание комичности даже сильного, страшного врага помогает людям мобилизовать силы на борьбу с ним, преодолеть чувство страха и растерянности» [2, с. 26]. КРЫМский бандеровец очень точно подмечает спасительную силу смеха в условиях оккупации: «Крым. Если раньше только патриоты Украины спасались сарказмом и юмором, чтоб не сойти с ума, то теперь предатели поступают так же. Такое поведение становится общим трендом», «Ватники, спасибо, что беспокоитесь о здоровье бандеровцев, ведь смех, как известно, продлевает жизнь. Давно я так не смеялся!)), «Керченские пропагандоны нас радуют. Смерть от голода нам не грозит — есть риск умереть от смеха», «В стране дураков уже ничего не удивляет. Остается только смеяться и смехом продлевать себе жизнь...»)), «Если смех продлевает жизнь, то искандеры будут жить вечно!» (Курсив мой. – Г. К.), [7]. Прагматингвистический дискурс языка смеха в оккупированном Крыму затрагивает основные инвариантные темы (объекты) для смехового общения, которые входят в структуру *humorous hate speech*:

главная духовная скрепа (Крымский мост): «Керченский мост – это же коммунизм, которого мы все так ждали. Это же то самое «светлое будущее», которое пока дойдет, превращается в мутное настоящее. Не надо его достраивать! Сохраните ватникам мечту!». «Мост открыт. Срочно нужна новая скрепа, которую предатели будут ждать в несбыточных надеждах на улучшение своей жизни». «Мост ватных надежд постепенно превращается в мост разочарований». «Счастливого рая после моста не случилось» [7].

комические имена оккупантов: *Поклоунская (Поклонская); Консольтантинов, Консольтинов (Константинов); Гоблин (Аксенов); Януковоц (Янукович); Пукин (Путин); Письков (Песков)* [7].

переселенцы с РФ, которые имеют свое особенное название – понаехавшие (понаехи): также называют *понапрперевшимися из-за поребрика («прут понаехи»)* и сравнивают их с *саранчой*. *«Человекозамещение крымчан лаптями». «Даже посты не о понаехавших заканчиваются разговорами о понаехавших. После деокупации вата первая будет гнать метлами понаехав по мосту, если тот выстоит к моменту освобождения». «Как же скучно мы жили без понаехавших. Вся нечисть россии к нам съехалась. И это не мои слова, а слова предателей, но я их подтверждаю. С мостом теперь ещё веселей будет...». «Сегодня на работе говорили про "понаехавших". Случайно вырвалось слово "русня"... многим понравилось. Теперь понаехавших называют русней»)* + *в карму диверсанта*» [7].

вата (ватники): *«Ватник, услышав, что доллар подорожал, сказал, что это хорошо, так как теперь больше рублей от проданной нефти будет. Помните, мы над путинным смеялись, когда он что-то подобное ляпнул? Так вот, их много, таких экономистов». «Жестокый троллинг ваты: В Севастополе появилась наливайка “СВЕЕРBANK”, которая оформлена в цветовой гамме “Сбербанка”. Вату в банкомат теперь сюда посылаем»)*» [7].

туризм (несезон): *«Крым стал островом-404 после оккупации страной-404. Сначала кричишь, что “Украина – страна-404”, а потом оказывается, что 404 – это Крым». «Отсутствие туристов погружает остров 404 в средневековье». «Антитуристическая операция прошла успешно». «Мразияне, туристический сезон открыт! Прихватите примусы, фонарики и батарейки. А еще воды наберите с собой. Где-то есть олл-инклюзив, а у нас олл-дизейблд...». «В Крыму продолжаютя блэкауты. Темнота – друг скрепного курортника». «Следующий несезон будет ещё веселей, чем предыдущие в оккупации»* [7].

А. Бергсон отмечает: *«Есть уродства [...] в некоторых случаях они вызывают смех»* [1, с. 22]. Такими объектами для смеха служат *«наноремонты»* дорог, различные памятники, которые оккупанты открывают в Крыму. *«Российские нанотехнологии шагают по Крыму. Завидуйте». «Наноремонты шагают по оккупированному Крыму. Все строго по ГОСТу россии». «Наноремонты дорог шагают по Крыму. ГОСТ рф выдержан. Везде применяются Сколковские технологии»* [7]. *«Нанотехнологии все еще шокируют жителей острова-404: “Вот такой интересный знак был мною обнаружен в п. Курортный!!!! (+ фото дорожного знака КИРПИЧ. Со знака отвалилась белая круглая часть, которую заменили картонкой, а на неё подвесили настоящий кирпич на веревках)”*. Комментарий: *“Это россия, великая страна!”*, *“Нарисовать красный прямоугольник — это примитив, а тут 3D”, “3D технологии”*» [7]. *«Ватники Ялты, в которой до оккупации каждый год все причалы приводились в порядок после осенне-зимних штормов, снова в шоке от нанотехнологий: “Улыбнул”, “Тоже недавно с этого смеялись. Ну и пи*дец какой-то!!! “Такой ремонт курам на смех”»* [7]. *«Оккупанты в Херсонесе установили множество подставок для плакатов с цитатами “великих”. Подставки напоминают виселицы с табуретками. Готовятся... В шоке даже ватники: “Чисто поржать. Тот случай, когда деньги есть, а мозгов нет. Позорище. Максимальный репост уродства от директора Херсонеса, чтобы до минкульта дошло”*» [7].

Аннексия полуострова в корне изменила привычную жизнь крымчан и сломала немало судеб. Исходя из опыта жизни в оккупации, КРЫМский бандеровец доказывает тот факт, что нельзя сидеть, сложа руки. Его ежедневные наблюдения за жизнью на оккупированном полуострове определяют основную мысль этой статьи: негативные условия действительности следует воспринимать только через положительное эмоциональное состояние, возвышенность духа – иначе в этих условиях выжить трудно. «Можно высмеивать происходящее в Крыму, проявлять чудеса сарказма, но как же больно видеть, как твоя малая родина потухает и превращается в уродца. Я искренне завидую тем странам, у которых нет под боком неадекватной россии. Хотя, как показывает практика, даже удаленность от этого мордора, пожирающего человеческие души, может не спасти...» [7]. Смеховое общение в дайджесте может служить спасением и освобождением от оккупации,

хотя бы пока в моральном плане, ведь только свободный человек может через смех выразить свое несогласие с настоящим. «Эпиграф к роману «Симплициссимус» гласит: «Так мне нравилось – со смехом говорить правду». Этот эпиграф представляет собой стихотворное переложение латинской поговорки «*ridendo dicere verum*» – «смеясь говорить истину», восходящей к одной из сатир Горация» [12, с. 169], и наиболее точно позволяет подытожить анализ прагмалингвистического дискурса языка смеха в оккупированном Крыму. Смех правды КРЫМского бандеровца, вызванный изобличением недостатков внутренней духовной жизни человека в условиях оккупации, имеет позитивный оптимистический посыл, поскольку «Крым делает выбор в пользу Украины, в пользу будущего, т. к. смотреть на свое настоящее все страшней», «Нужно возвращаться в Украину, если простят» [7]. Эта победа морального характера над врагом означает: «Не опускаем рук! Пережили нацистов, пережили коммунистов – переживём и рашистов!» [7]. Перспективой дальнейших исследований может быть систематизация и обобщение лексико-стилистических средств языка смеха в блоге КРЫМского бандеровца.

БІБЛІОГРАФІЯ

1. Бергсон А. Смех / Анри Бергсон. – М. : Искусство, 1992. – 127 с.
2. Боров Ю. Б. Комическое / Ю. Б. Боров. – М. : Искусство, 1970. – 268 с.
3. Гуменюк Л. КРЫМский бандеровец: Крым – слишком тяжелый камень на шее утопленника (полный текст интервью) [Электронный ресурс] / Лариса Гуменюк. – Режим доступа: www.obozrevatel.com/society/08972-kryimskij-banderovets-kryim-slishkom-tyazhelyij-kamen-na-shee-utoplennika.htm
4. Карасев Л. В. Философия смеха / Л. В. Карасев. – М. : Рос. гуманит. ун-т, 1996. – 224 с.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
6. Крымнаш : (повний текст статті) [Електронний ресурс]// Електронна енциклопедія «Вікіпедія». – Режим доступу : <https://uk.wikipedia.org/wiki>.
7. КРЫМский бандеровец. *Новости Крымнаша*. Информационное сопротивление российской оккупации Крыма и Донбасса [Электронный ресурс] / – Режим доступа : <https://crimeaua1.wordpress.com/>
8. Лук А. Н. О чувстве юмора и остроумии / А. Н. Лук. – М. : Искусство, 1968. – 191 с.
9. Ницше Ф. Соч. : в 2 т. / Ф. Ницше. – М., 1990. – Т. 1 – 831 с. ; Т.2 – 829 с.
10. Ницше Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше. – М. : АСТ ; Х. : Фолио, 2001. – 352 с.
11. Новости Крымнаша : (повний текст статті) [Електронний ресурс]// Електронна енциклопедія «Вікіпедія». – Режим доступу : <https://uk.wikipedia.org/wiki>.
12. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха / В. Я. Пропп. – М. : Искусство, 1976. – 183 с.
13. Рюмина М. Т. Эстетика смеха. Смех как виртуальная реальность / М. Т. Рюмина. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 320 с.
14. Смаджа Е. Сміх. Біологія, психіка, культура / Ерік Смаджа ; пер. з фр. А. Репа. – Київ : Ніка-Центр ; Львів : Видавництво Анетти Антоненко, 2017. – 160 с.
15. Язык вражды в информационном пространстве Крыма: Информационно-аналитический доклад о распространении языка вражды на территории Крымского полуострова (март 2014 – июль 2017) / Под общ. ред. И. Седовой и Т. Печончик. – Киев, 2018. – [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://crimeahrg.org/wp-content/uploads/2018/03/Hate-book-RU.pdf>

REFERENCES

1. Bergson, H. (1992). *Smekh. [Laughter]*. Moscow: Iskusstvo.
2. Borev, Yu. B. (1970). *Komicheskoye. [Comical]*. Moscow: Iskusstvo.
3. Gumenyuk, L. (07 marta 2017). *KRYMskiy banderovets: Krym – slishkom tyazhelyy kamen na sheye utoplennika. [CRIMEAn Banderite: Crimea is too heavy stone around the neck of the drowned man]*. Retrieved from: www.obozrevatel.com/society/08972-kryimskij-banderovets-kryim-slishkom-tyazhelyij-kamen-na-shee-utoplennika.htm.
4. Karasev, L. V. (1996). *Filosofiya smekha. [Philosophy of Laughter]*. Moscow: Ros. humanit. un-t.
5. Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs. [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]*. Volgograd: Peremena.
6. *Krymnash [Krymnash]*. (4 lystopada 2017). Elektronna entsyklopediia “Wikipedia”. [Electronic encyclopediia: “Wikipedia”]. Retrieved from: <https://uk.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D1%80%D1%8B%D0%BC%D0%BD%D0%B0%D1%88>.
7. KRYMskiy banderovets. (z 13 lystopada 2014, shchodenno). *Novosti Krymnasha*. Informatiionnoye soprotivleniye rossiyskoy okkupatsii Kryma i Donbassa [CRIMEAn Banderite. *The Krymnash News*. Information resistance to the Russian occupation of the Crimea and Donbass]. [Weblog]. Retrieved from: <https://crimeaua1.wordpress.com/>.
8. Luk, A. N. (1968). *O chuvstve yumora i ostroumii. [On the Sense of Humor and Wit]*. Moscow: Iskusstvo.
9. Nietzsche, Friedrich W. (1990). *Soch : v 2 t. [Collected Works issued in Two Volumes]*. Moscow.
10. Nietzsche, Friedrich W. (2001). *Tak govoril Zarathustra. [Thus Spoke Zarathustra: A Book for All and None]*. Moscow : AST ; Kharkov : Folio.

11. *Novosti Krymnasha [The Krymnash News]*. (30 travnya 2017). Elektronna entsiklopediya "Wikipedia". [Electronic encyclopaedia: "Wikipedia"]. Retrieved from: https://uk.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8_%D0%9A%D1%80%D1%8B%D0%BC%D0%BD%D0%B0%D1%88%D0%B0.
12. Propp, V. Ya. (1976). *Problemy komizma i smekha. [Issues of Comic and Laughter]*. Moscow: Iskusstvo.
13. Ryumina, M. T. (2003). *Estetika smekha. Smekh kak virtualnaya realnost. [Aesthetics of Laughter. Laughter as Virtual Reality]*. Moscow : Editorial URSS.
14. Smadja, Éric. (2017). *Smikh. Biolohtia, psykhhika, kultura. [Laughter. Biology, Psyche, Culture]*. Kyiv : Nika-Tsentr ; Lviv : Vydavnytstvo Anetty Antonenko.
15. Sedova, I., & Pechonchik, T. (2018). *Yazyk vrazhdy v informatsionnom prostranstve Kryma: (Informatsionno-analiticheskiy doklad o rasprostraneni yazyka vrazhdy na territorii Krymskogo poluoostrova (mart 2014 – iyul 2017)). [Hate Speech in the Information Space of the Crimea ((Information and analytical report on the spread of hate speech on the Crimean peninsula (March 2014 – July 2017))]*. Retrieved from <https://crimeahrg.org/wp-content/uploads/2018/03/Hate-book-RU.pdf>.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Галина Коробка – кандидат філософських наук, доцент кафедри іноземних мов Харківської державної академії культури.

Наукові інтереси: лінгвокультурологія, міжкультурна комунікація, лінгвофілософія, філософія культури, дискурсологія, лінгвістика тексту, сміх і гумор в Інтернет-середовищі.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Halyna Korobka – Candidate of Philosophical Science (PhD), Assistant Professor of the Foreign Languages Department, Kharkiv State Academy of Culture, Ukraine.

Scientific interests: cultural linguistics, intercultural communication, philosophical linguistics, philosophy of culture, discourse study, text linguistics, laughter and humor on the Internet.

УДК27–475.5(477):001.8

ДИСКУРСНІ ПАРАМЕТРИ СУЧАСНОЇ УКРАЇНСЬКОЇ ПРОПОВІДІ

Ольга ПЕТРИШИНА (Тернопіль, Україна)

e-mail: petryshyna.te@gmail.com

ПЕТРИШИНА Ольга. ДИСКУРСНІ ПАРАМЕТРИ СУЧАСНОЇ УКРАЇНСЬКОЇ ПРОПОВІДІ

У статті описано критерії сучасного українського проповідництва як інституційного спілкування. Дискурсний підхід передбачає врахування прагматичної інформації, реалізованої у процесі взаємодії адресанта (проповідника) і адресата (вірянина) з урахуванням екстарлінгвальних чинників, зокрема специфіки хронотопу. Особливістю проповідницького дискурсу є те, що його учасником також є Бог: він імпліцитний, однак має визначальну роль у комунікації. Такий набір комунікативних, особливостей хронотопу, концептосфери тощо визначають специфіку проповідницького дискурсу.

Ключові слова: проповідницький дискурс, інституційне спілкування, комунікативний акт, адресат, адресант, віра, сакрум, хронотоп.

PETRYSHYNA Olga. DISCOURSE PARAMETERS OF THE MODERN UKRAINIAN SERMON

The article describes the criteria of modern Ukrainian preaching as institutional communication. The sermon is a fundamental primary genre of religious communication. This is not only an interpretation of biblical truths, but also an effective means of moral education and the creation of the spiritual foundations of the life of Christian society. The priest conceptually and meaningfully arranges preaching communication. Accordingly, the priest chooses the subject of a sermon, its genre, strategies, tactics, updates relevant concepts, etc. The recipients of the sermon are listeners of different age, social status, interests, level of education, awareness, character, etc., but the category of "faith" is unifying for the addressee and recipients. The success of preaching depends to a large extent on the consideration of the recipients' interests. In this way, attention is focused on the relation between the subject of communication and his speech product. The preaching discourse, compared with other forms, has one more feature: the addressee perceives the text, delivered from the pulpit, unperemptorily, ambiguously, and not only on the basis of faith, but critically, subjectively, not necessarily agreeing with everything. A specific feature of preaching discourse is that its participant is also God: he is implicit, but he has a decisive role in communication. Such a set of communicators, their speech incarnation and interactions in the sermon are unique. A discursive approach to the study of the sermon involves the consideration of the pragmatic information that it implements in the interaction of the speaker (preacher) and the addressee (the believer), taking into account the extralinguistic factors, including the specificity of the chronotope. The setting of preaching communication is usually clearly regulated. The traditional place of preaching is the temple as the main religious institution in which worship and religious ceremonies take place. Rarely does preaching discourse go beyond the church (for example, a sermon during the funeral service). All forms of sermons described in homiletics are intended for a wide range of listeners and are used on any day of the ecclesiastical year. The church sermon according to liturgical time may be Sunday, festive and lenten. Clearly defined status in the preaching, mainly the oral form of the sermon functioning, standardization in combination with the personal precepts of the preacher determine the specifics of the preaching discourse.

Key words: preaching discourse, institutional communication, communicative act, recipient, addressee, faith, sacrum, chronotope.

Постановка проблеми. Гуманітарні, духовні виклики, які сьогодні стоять перед українським суспільством, актуалізують проблему використання української мови як єдиного національного коду в різних сферах суспільного життя, у тому числі в релігійній комунікації. Сучасні екуменічні процеси привертають увагу науковців до релігійного дискурсу як складного, багатофункціонального феномену.